

Рустем Вахитов, кандидат философских наук, Уфа

ЧЕМ НАС ПОДКУПИЛИ?

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ НА МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ МЕЧТЫ ПРОМЕНЯЛИ МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ И СОЦИАЛЬНУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ВРЕМЕН...

Не приходится сомневаться в том, что большинство населения России, а именно простые люди, обыватели в нейтральном смысле этого слова, больше потеряли, чем обрели в результате либеральных реформ, проведенных в 1990-е года командой младореформаторов во главе с Гайдаром. Ведь при Советской власти этому большинству были гарантированы основные базовые жизненные блага. Начнем с того что оно имело гарантированную работу, которая давала пусть небольшой, но

стабильный доход. В те времена уволить человека с работы (если только он не занимался антисоветской деятельностью) было почти невозможно. Люди среднего и старшего возраста помнят, что в этом вопросе даже перегибали палку: совершеннейших лентяев и пьяниц, которые откровенно наплевательски относились к должностным обязанностям, нельзя было просто так уволить; с ними возились, обсуждали их на собраниях, «брали на поруки», пытались перевоспитать. В итоге средний советский человек знал, что если он принят на работу на предприятии или в учреждении, то без особых трудностей он сохранит за собой это место до самой пенсии (не говоря уже о том, что он может и делать карьеру, как тогда говорили «расти»). Страх потерять работу, остаться без средств к существованию, который преследует сотни тысяч и миллионы современных россиян, советскому человеку был неведом.

А ведь рабочее место в СССР – это не только стабильная, выдаваемая вовремя зарплата (задержки зарплаты тогда были просто неизвестны). Это и возможность пользоваться кассой взаимопомощи, и премии с тринадцатыми зарплатами, и льготные талоны на питание в столовой предприятия, и бесплатная спецодежда, и подарки от профсоюза для детей, и место для ребенка в ведомственном детском саду, и обслуживание в ведомственной поликлинике, и бесплатные или практически бесплатные путевки в санатории, места в пионерских лагерях для детей работников. Это, наконец, перспектива получить ведомственное жилье. Выражаясь современным языком получить работу в советские времена – значило получить в нагрузку к должности полный социальный пакет – довольно таки весомый даже для простых трудяг (особенно, если они работали на оборонных предприятиях), а что уж говорить о социальных пакетах научной, творческой интеллигенции и тем более чиновников и партийных работников... Причем, работу не надо было искать, государство обязано было ее предоставить (после окончания вуза, ссуза, ПТУ человек получал направление на то или иное место).

Другое важное социальное благо, которое было доступно всем в советские времена – это бесплатное, качественное среднее, среднеспециальное и высшее образование. Это сейчас в школах только минимум предметов является бесплатным, а все остальные – факультативы, за которые нужно платить, а цены за обучение в вузе начинаются от 40 000 в год даже в провинции; в советские времена все предметы были бесплатными и о плате за обучение в вузе никто вообще не слышал. Правда, и поступали только те, кто имел высокий уровень знаний и способности к той или иной специальности (за определенными исключениями – был, конечно, и блат, и взятки, были полуофициальные «наборы», но все это весьма умеренно). Невозможно было помыслить, что будет так, что человек, проваливший экзамены, оплатил бы обучение, поступил, числился все 5 лет, будучи уверенным, что его не исключат за неуспеваемость, и получил такой же диплом, как добросовестный студент. Но потому что принимали в вузы и ссузы не всех, а в основном только тех, кто был способен учиться там, престиж среднеспециального и тем более высшего образования был высок (в противоположность дню сегодняшнему, когда диплом о высшем образовании имеют даже двоечники не умеющие писать грамотно, но окончившие вуз на «коммерческой основе»). И средний советский человек мог быть уверен: если его чадо проявит соответствующие способности и определенное трудолюбие, то оно сможет получить

полноценный (а не суррогатный, как сейчас) диплом о высшем образовании и набор прилегающих к нему знаний и благ.

Еще одно социальное благо, к которому имело доступ большинство советских людей – это медицина. Критики советского строя любят поговорить о недостатках и низком качестве медицины того времени. Действительно, в поликлиниках по месту жительства и городских и тем более сельских больницах был не самый высокий уровень обслуживания (хотя и не было современного безобразия, когда все – от лекарств до еды нужно оплачивать самим больным, и когда пациентов буквально вышвыривают через 15 дней, в каком бы состоянии они ни находились). Но ведь в стране существовала параллельная сеть ведомственных медучреждений. Больницы и спецсанатории крупных предприятий, министерства обороны, МВД могли бы составить гордость некоторых европейских стран того времени. Про медучреждения КГБ и ЦК КПСС я уже и не говорю, хотя и к ним, как ни странно, имели доступ не только представители элиты: так парторг любого вуза или предприятия, не будучи членом номенклатуры, уже получал право отдохнуть в системе санаториев ЦК КПСС, а в санатории Совмина отдыхали не только министры и их заместители, но и, например, водители служебного автотранспорта Совмина.

Кроме того, сильной стороной советской медицины была профилактика. В советские времена справедливо считали, что легче не допустить развитие заболеваний, чем потом их лечить. В Советском Союзе была создана не имеющая аналогов в мире система профилактических мероприятий, которая позволила покончить с множеством опасных заболеваний (так, в СССР после войны практически не стало туберкулеза) и поддерживать достаточно высокий уровень здоровья советских граждан. Начиная с роддомов, детям делали прививки, ограждая их от таких заболеваний как оспа, полиомиелит. В детских садах, в школах, в институтах, даже на предприятиях проводились обязательные занятия физкультурой. Поощрялось увлечение граждан спортом и физкультурой, поводились лыжные соревнования, пробеги и т.д. Регулярно за счет государства проводилось практически повсеместное обязательное флюорографическое обследование граждан прямо на рабочих местах. В СССР государство заботилось о здоровье граждан, потому что это здоровье было важнейшим государственным ресурсом. В силу этого заботились о здоровье даже тех, кому на собственное здоровье было наплевать. Алкоголиков насильственно лечили от алкоголизма в специальных закрытых учреждениях полутюремного типа – ЛТП.

Список социальных благ, которые гарантировались советским государством лояльным гражданам можно продолжать, но суть и так ясна...

2 Почему же простые советские люди отказались от лучшего ради худшего? В среде левопатриотической оппозиции распространено убеждение, что это произошло вследствие массового обмана населения, каковой был осуществлен переворотышами из партноменклатуры и антисоветской интеллигенцией, которые контролировали практически все СМИ в конце 1980-х – начала 1990-х и которые внушили людям, что они живут в патологическом ненормальном государстве и что ничего не остается, кроме как его разрушить, чтобы обрести все те блага, которые имеет «все цивилизованное человечество». При этом все достоинства советского строя замалчивались, а все его недостатки раздувались до фантастических размеров, с капитализмом же поступали ровно противоположным образом. В результате малейшее сопротивление реформам и даже попытки взглянуть на них критически были нейтрализованы и население страны Советов как загипнотизированное пошло в направлении «номенклатурного капитализма», где высокое благосостояние ждало лишь архитекторов и прорабов реформ, а всех остальных – резкое понижение качества жизни.

Повторюсь, это распространенное убеждение, но я в него не верю. Мне кажется, что оно строится на ошибочной предпосылке – на вере в практически безграничные возможности манипуляции сознанием, которое в свою очередь базируется на теории героя и толпы, согласно

которой есть субъекты исторического процесса, которые вершат историю, как им вздумается, а есть послушная, безмолвная, пассивная чернь, из которой можно слепить что угодно – хоть новый низший класс, хоть новую нацию. Мой опыт, напротив, показывает, что большинство людей – и в особенности представители низших слоев общества, не обремененные идеологическими стереотипами, которые несет с собой «полуобразование», наделены житейским здравым смыслом и способны мыслить вполне критически. Если они соглашались на что-либо, то потому что это в определенной степени соответствует их интересу – и индивидуальному, и групповому. Конечно, они не склонны говорить об этом вслух, более того, они стремятся выставить себя жертвами (потому что эта роль обеспечивает также определенные дивиденды - и материальные, и моральные), но это не совсем так.

Из этого я заключаю, что бывшие советские люди (не все, конечно, но большинство) не препятствовали разрушению СССР воинствующими либералами 1980-1990-х и тем самым фактически содействовали им, *потому что они заключили с ними негласный договор, по которому они кое-что получили от них*. Но сознаваться в том, что их подкупили, они ни за что не хотят: как потому что это само по себе стыдно, так и потому что сделка в конечном итоге оказалась для них невыгодной и они оказались в дураках. Поэтому им и хочется верить в то, что их просто ввели в дикий капитализм под гипнозом либеральной пропаганды, а левопатриотические идеологи и публицисты потакают им и с удовольствием разрабатывают и распространяют эту удобную им версию.

Подкупить же можно, посулив то, что человек считает очень ценным. А что советские люди особенно ценили? Образование, медицинское, социальное обеспечение в глазах советского человека высокой ценностью не обладали, потому что он был убежден, что наделение всем этим граждан со стороны государства – нечто само собой разумеющееся. Советский человек и помыслить не мог, что может быть иначе, что, например, за учебу в вузе надо будет платить... Такова психология человека – что мы имеем, мы обычно не ценим. Высокой ценностью в глазах среднего советского человека, обывателя эпохи позднего развитого социализма обладало другое. Высшая степень благосостояния воплощалась для него в триаде: «квартира-машина-дача». Вот и ответ на наш вопрос – *средний советский обыватель продал СССР со всеми его структурами социального государства за эти три символа благосостояния, как библейский Исав продал право первородства за чечевичную похлебку*.

З Начнем с первого символа – квартиры. «Квартирный вопрос» был одной из самых больших проблем советской повседневности. Дело в том, что советская эпоха – это эпоха превращения России из аграрной в урбанистическую страну. В 1913 году в Российской империи в городах жило лишь 15% населения, а в 1990 году горожане составляли уже 66% от общего населения СССР.

Переселение деревенских жителей в города происходило в советскую эпоху несколькими волнами. Первая пришла на 1920-е гг., когда население одной Москвы выросло в несколько раз. Миграции в города способствовала отмена прописки в паспортах, которая существовала в царской России, препятствуя всем, кроме дворян, отлучаться более чем на 50 верст от места проживания без разрешения полиции. В.И. Ленин неоднократно утверждал в своих дореволюционных статьях, что это явное ущемление прав населения и после прихода к власти большевиков Совнарком отменил прописку (заодно с «чертой оседлости»). Так Москва (и в меньшей мере губернские столицы и Ленинград) превратилась в перенаселенный город, реалии которого так едко описывали Ильф и Петров.

Вторая волна миграции в города пошла в начале 30-х с компанией раскулачивания: в города бежали как «самораскулачивающиеся» так и просто сельские жители, не вынесшие тягот голода той эпохи. Волна была настолько сильной, что правительство в 1932 году приняло закон о внутренних паспортах и обязательной прописке. Всех, кто не имел городской прописки и места работы, милиция

имела право выводить из города. Третья волна пошла после войны.

При этом массовое строительство жилья в городах началось только при Хрущеве. В первые пятилетки государство делало упор на промышленном строительстве, что было вполне объяснимо: создавался индустриальный потенциал СССР. Поэтому условия жизни в эти годы у большинства горожан (не принадлежащих к партийной, хозяйственной или интеллигентской элите) были просто ужасающими. Сейчас много обидного говорится про советские «коммуналки». Однако своя комната в коммунальной квартире в 30-е г. была если не роскошью, то жизненной удачей. Многие же ютились в крохотных комнатках в рабочих общежитиях, где на 12 квадратных метрах проживало по 4 человека, в бараках, а при строительстве новых предприятий рабочие часто просто жили в землянках (к примеру, в Иваново-Вознесенске по данным 1929 года в землянках проживало 7, 5 тысяч семей железнодорожников).

Как уже отмечалось, только в хрущевскую эпоху началось «великое переселение» из бараков и общежитий в отдельные квартиры в «хрущевках». Причем, «хрущевки», которые теперь ругают за их тесноту и неудобства, казались бывшим жителям бараков верхом комфорта. К 1970-м гг. практически во всех крупных городах выросли «спальные районы», где получали квартиры как жители снесенных городских слобод (районов, застроенных деревянными домиками, которые сохранялись в центрах городов до конца советской эпохи), так и новые мигранты из деревень. В период с 1956 по 1989 год в Советском Союзе было построено и сдано в эксплуатацию свыше 76 миллиона квартир.

К 1989 году свыше 83% семей в СССР жило в отдельных квартирах (оставшаяся часть – это «кооперативное жилье» и так называемый «частный сектор»). Это было по сути «социальным жильем». Иными словами, граждане пользовались государственной жилплощадью на правах пожизненной бесплатной аренды (платили они не за жилье, а только за коммунальные услуги).

Первоначально это жилье возвращалось государству после смерти человека. В 1950-х-1960-х годах советское государство сделало шаг в сторону превращения социального жилья в личное: разрешили передавать квартиры по наследству, если в них прописаны наследники, и разрешили их обменивать (сначала на безденежной основе, а потом и с доплатой). Но квартиры все равно оставались в собственности государства, а это означало, что государство может взять и распорядиться своей собственностью, как ему выгодно: например, лишить квартиры, если человек перестал работать в ведомстве, которое ему ее выдало, или уплотнить, то есть подселить в квартиру еще кого-либо, если того требовали обстоятельства. В 1920-1930-е годы «уплотнение» широко применялось (собственно, так и возникли «коммуналки» из больших многокомнатных квартир дореволюционных состоятельных мещан) и люди старшего поколения это помнили. Да и без изменений существующих законов опасностей было масса: например, человека могли послать по распределению работать на другой конец страны и в это время лишить его прописки в родном городе (выдав ему квартиру или место в общежитии на новом месте), а значит лишить права на квартиру, полученную им по наследству.

Потаенной, хотя почти и не выражаемой вслух мечтой среднего советского обывателя эпохи перестройки было получение всех прав на квартиру, которую он имел, то есть превращение ее в его самую что ни на есть частную собственность. И эту мечту сделал явью ... президент РФ Б.Н. Ельцин. 4 июля 1991 года, то есть менее чем через год после падения СССР, когда все еще можно было вернуть обратно, он подписал закон № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Термин «приватизация» в нем был скорее данью тогдашней моде. Приватизация при капитализме предполагает продажу государственного имущества на рынке. Именно так приватизировались госпредприятия. Если бы жилищный фонд РСФСР действительно, был приватизирован, то квартиры достались бы только тем, кто был способен их купить. Закон же фактически *дарил*

государственное социальное жилье тем, кто был в нем прописан, то есть официальным пользователем. Граждане РФ бесплатно получали в частную собственность квартиры, в которых они жили (в отличие от жителей бывших социалистических стран Восточной Европы, где жилье продавалось, пусть и по символической цене, гораздо ниже рыночной, а часть жилищного фонда вообще возвращалась дореволюционным владельцам). Статья 1 закона гласила: «Приватизация жилых помещений - бесплатная передача в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищном фонде, а для граждан Российской Федерации, забронировавших занимаемые жилые помещения, - по месту бронирования жилых помещений».

Граждане теперь могли делать с квартирами что угодно - продать, сдать в аренду, завещать, подарить и т.д. Их никто не имел права лишить квартиры, на основании того, что они фактически там не живут, утратили прописку, уволились с предприятия. К ним никто никого не мог подселить, мотивируя это тем, что у них избыточная жилая площадь. *Естественно, эти люди объективно были заинтересованы в том, чтоб старая власть не вернулась* (хотя субъективно они могли говорить или даже думать что угодно). И поэтому на кухнях поругивая новую власть, к ее свержению они не больно-то и стремились и все 90-е предоставляли бабушкам и дедушкам выходить на улицы с флагами и лозунгами объединенной левопатриотической оппозиции...

4 Второй элемент советского «джентльменского набора» - личный автомобиль. В отличие от стран Запада и особенно от США личный автомобиль в СССР был, скорее, роскошью. Советское государство с самого начала взяло курс на развитие общественного транспорта. В городах вводились в эксплуатацию трамвайные и троллейбусные линии, создавались новые маршруты автобусов, в крупных городах СССР — в Москве, Ленинграде, практически во всех столицах союзных республик было построено метро. Проезд был настолько дешев, что можно говорить о практически бесплатном общественном транспорте в СССР (плата в 6 копеек за поездку в автобусе в 1970-е гг., конечно, не окупала всех расходов на эксплуатацию, и государство просто доплачивало остаток). Был развит «ведомственный транспорт»: люди старшего поколения до сих пор помнят небольшие автобусы, которые подбирали на остановках работников своих предприятий и бесплатно довозили их до места работы, а вечером развозили обратно по домам. Предприятиям дешевле было иметь свой небольшой парк автобусов, чем терпеть убытки из-за опозданий работников, вызванных сбоями городского транспорта. Отсюда, кстати, видно, что недостатков в этой сфере было немало. Автобусов не хватало, они часто ломались, поэтому оставшиеся ходили в час-пик переполненными. Но как показывает сегодняшний опыт в целом установка советского государства на общественный, а не на личный автотранспорт была совершенно правильной. В городах не было современных ужасных «пробок», дворы не были загромождены автомобилями, воздух в советских городах уже в те времена, когда в Нью-Йорке и в Токио задыхались от смога, был удивительно чистым.

«Ответственным работникам» - военным, работникам спецслужб, партийным и государственным руководителям полагался служебный автомобиль с водителем (иногда и не один). Это было не атрибутом «красивой жизни», как думают сейчас, это было необходимостью. Тот же самый партийный руководитель областного ранга, в случае аварии на предприятии в его области, должен был оказаться там в любое время суток, для этого в гараже ему всегда был готов автомобиль. Служебный автомобиль не был личным, им можно было пользоваться только на время замещения данной должности и сугубо для «государственных нужд». Его нельзя было продать, формально, нельзя было использовать членам семьи или самому в личных целях (хотя, естественно, многие обходили последний запрет).

До войны личных автомобилей почти не было. В свободной продаже они просто отсутствовали. Их дарили передовикам производства, можно было их выиграть в

лотерею, которую разыгрывали среди членов обществ «Автодор» и «Осовиахим». В 1940 году на всю Москву было около 500 личных «легковушек». В 1947 году произошел перелом. Особым постановлением Совмин СССР разрешил продажу легковых автомобилей частным лицам. Были открыты специализированные магазины, сначала в Москве и Ленинграде, потом - в других крупных городах СССР (1 на каждую столицу союзных республик, и 1 на 2-3 области). Предпочтение отдавалось деятелям науки, культуры, инженерно-техническим работникам и передовым рабочим. Уже в следующем 1948 году индивидуальным владельцам было продано в согласии со специальным планом министерства автомобильной промышленности 6500 автомобилей «Москвич» и 900 автомобилей «Победа».

С каждым десятилетием росло количество магазинов и количество продаж. В 1950 году частным лицам было продано 23 тысячи легковушек, а уже в 1956 — 64 тысячи. В 1970-е гг. советский автопром выпускал около 1 миллиона легковушек в год, правда, часть из них шла на экспорт. Цены были сравнительно высокими: в середине 70-х годов «Волга» ГАЗ-24 стоила 9200 руб., «Жигули» ВАЗ-2103 — 7500 руб., «Москвич-412» — 4990 руб., а «Запорожец» ЗАЗ-968 — 3500 руб. Однако желающих становилось все больше, так что образовывались огромные очереди (что объективно свидетельствовало о возросшем уровне материального благосостояния советских граждан).

Постепенно сложилась система государственного распределения легковых автомобилей для граждан. На предприятиях создавались очереди из работников желающих стать автолюбителями. В 1970-80-х стоять на очереди приходилось лет 7-8. За это время как раз удавалось накопить требуемую сумму (еще бы, ведь советским гражданам не приходилось платить высокую квартплату, оплачивать мелкие услуги и обучение детей в вузах да и продукты были дешевы). Затем, получив чек в специализированном магазине и оплатив его в сберкассе, счастливчик мог получить на складе личный автомобиль. Конечно, и в магазине, и в сберкассе были очереди и ругань, на складе не было возможности выбрать хотя бы цвет — брали, что дают... В общем большинство советских людей было крайне недовольно такой системой распределения.

Без очереди машины полагались ветеранам войны и некоторым другим льготникам. Загранработники также могли купить машину без очереди, но не за рубли, а за чеки «Внешторга», которым выплачивалась часть зарплаты советским гражданам, трудившимся за границей, и которые можно было отоварить в СССР в сети магазинов «Березка». Уже в 1950-е возник стихийный «черный рынок» подержанных автомобилей и чтобы упорядочить ситуацию с ними в начале 1960-х были созданы комиссионные магазины, через которые можно было легально купить автомобиль. Государству полагалось 7% от суммы. Парадокс, но машины там стоили дороже, чем новые («Москвич», который в госмагазине стоил от 4 до 5 тысяч рублей, в «комиссионке» стоил до 15 тысяч). Переплачивали за экономию времени: для того чтоб купить новый автомобиль нужно было ждать 7-8 лет, купить почти что такой же новый, чуть подержанный можно было за один день.

Несмотря на то, что производство легковых автомобилей в СССР год от года росло, желающих приобрести, как сейчас говорят, было «в разы больше». В 1985 году в СССР на 1000 жителей приходилось всего 45 личных автомобилей. По мировым меркам это очень низкий уровень автомобилизации, в США в том же году данная цифра составляла 535, а например, в социалистической ГДР - 188. Можно сказать, что советское правительство искусственно сдерживало темпы автомобилизации страны — и, кстати, сейчас, глядя на наши перегруженные автомобилями города, мы прекрасно понимаем, по каким причинам.

Перестройка и либеральные реформы 1990-х позволили воплотиться в жизнь мечте миллионов бывших советских граждан. Все препятствия на покупку личных автомобилей исчезли. Производство легковых автомобилей на предприятиях отечественного автопрома сократилось на треть, но количество личных автомобилей растет от года к

году. Улицы городов заполнили иномарки. Затем в Россию пришли западные автомобильные концерны, которые пооткрывали здесь свои филиалы, где российские рабочие собирают американские, немецкие, японские машины.

К концу 21012 года в России было уже около 40 миллионов единиц личного автотранспорта (здесь и далее данные по статье «Парк легковых автомобилей РФ: структура и прогноз формирования до 2012 года. Маркетинговый отчет. Аналитическое агентство «Автостат»). Это составляет примерно 293 автомобиля на 1000 жителей, то есть в 5 с лишним раз больше, чем в СССР. Тем не менее, это очень скромный показатель по мировым меркам. В США в 2012 году этот показатель составлял более 800 личных автомобилей на 1 000 жителей. Россия по уровню автомобилизации находится на 46 месте в мире, опережая Египет и чуть отставая от Ирака. Это информация для тех, кто любит рассуждать, что капитализм в России привел к огромному прорыву в области «цивилизации комфорта» и что теперь мы «живем как на Западе». В отношении автомобилизации мы, скорее, живем теперь как на севере Африки. При этом около половины личных машин в России старше 10 лет (49, 9% или 18, 42 миллиона). Новых машин – до 3 лет всего 17% (6, 28%). Больше всего личных автомобилей в Центральном Федеральном округе – около 30% (почти 11 миллионов единиц). Вторым идет Приволжский ФО – около 20% (примерно 7 миллионов штук). А на Сибирский ФО, который географически гораздо больше Центрального, приходится всего около 13%, то есть около 5 миллионов личных автомобилей.

Итак, личные автомобили имеют в большинстве своем москвичи, петербуржцы и жители крупных городов европейской части России. Более чем наполовину – это иномарки, так что если Россия всерьез попадет в тиски западных санкций, то по мере старения машин количество автовладельцев уменьшится на 50%. Половина имеющихся машин – старые и очень старые и лишь одна пятая часть автовладельцев может похвастаться новенькими легковушками. И что самое главное – машины в основном имеются у граждан там, где в них нет жизненной необходимости - Москве, Петербурге, Казани, имеющих разнообразный и удобный общественный транспорт. А вот в Сибири, где есть целые поселки и города, которые из-за плохих погодных условий остаются на полгода отрезанными от внешнего мира, с машинами гораздо хуже. Какой-нибудь мощный внедорожник, конечно, был бы гораздо полезнее на сибирской ухабистой дороге, но он катит по московскому асфальту, везя бизнесмена или чиновника.

Мечта советского «среднего класса» сбылась. В европейской части России практически каждый 10-ый имеет свой личный автомобиль. За это правда, пришлось расплатиться деградацией отечественного автопрома, «пробками» и «смогами» в городах, кроме того и сам результат не очень впечатляет: Россия стала страной владельцев подержанных машин иностранного производства, по уровню автомобилизации соответствующей Египту. Но даже этим 40 миллионов наших автовладельцев (это чуть меньше трети населения страны) в целом довольны и ни за что не захотели бы возвращения в советское прошлое с очередями на автомобили и с государственным распределением авто. Они прекрасно понимают, что большая часть из них в СССР никогда бы не смогла приобрести собственный автомобиль и уж тем более автомобиль иностранного производства. И они, конечно, могут сколько угодно хвалить СССР и ругать Запад, но объективно они заинтересованы в сохранении имеющегося режима и в расширении торговли с Западом. Не случайно в 90-е, когда развернуть корабль российского государства на 180% было еще вполне реально, «очкастый частный собственник» в «Жигулях» и тем более «Аудио» встать в ряды оппозиции не спешил...

5 Наконец, третий элемент советского потребительского идеала – дача. В СССР словом «дача» чаще всего принято было называть совсем не то, что было дачей для жителей дореволюционной России или что является дачей для жителей стран Западной Европы. В России до революции, а в Европе и по сей день

дача – это загородный дом с небольшим близлежащим участком земли, на котором разбит цветник, растут ягоды и т.д. Такая дача – место отдыха обеспеченных горожан, которые, подражая аристократом, летом уезжали из душных городов в свои поместья. Вокруг Петербурга уже в конце 19 века возникают дачные поселки, где отдыхали богатые купцы, мещане, «средний класс», причем, те, кто не мог позволить себе купить дачу, арендовали ее.

В советские времена подобные дачи также были, но только у представителей партийной номенклатуры, официально признанных писателей, художников, ученых и т.д. В отличие от дореволюционных дач они не были в частной собственности, они принадлежали государству и сдавались этим лицам в бесплатное бессрочное владение. Потеря должности и тем более опала означали невозможность дальше пользоваться дачей. Безусловно, ее нельзя было передать по наследству. Эти не очень приятные ограничения компенсировались высоким уровнем роскоши: такие дачи могли быть двухэтажными, причудливой архитектуры, имеющими от 4 до 7 комнат (постановление Политбюро от 1938 года ограничивало семейных ответработников 7 комнатами, а холостых - 4), с настоящей антикварной мебелью (пример – дача поэта Пастернака в подмосковном Переделкино, которая теперь превращена в музей), с большим приусадебным участком (от 1 до 7 га). Вскоре возникла «специализация» дачных поселков – в Барвихе были дачи представителей партноменклатуры, в Жуковке – высокопоставленных конструкторов, трудившихся на оборонный комплекс, в Переделкино – функционеров союза писателей.

Одновременно словом «дача» в СССР стали называть небольшой загородный дом, как правило, из фанеры, однокомнатный или максимум, двухкомнатный, с близлежащим участком, не превышающим 600 квадратных метров (знаменитые 6 соток). Такая «дача» была не местом отдыха, а местом интенсивного сельскохозяйственного труда всех членов семьи (и особенно представителей старшего поколения, ввиду выхода на пенсию освободившихся от обязанности трудиться на госпредприятиях). На дачных участках сажали картофель, помидоры, огурцы, яблони, смородину, ягоды. Дачные заготовки затем перевозили в городские квартиры или в гаражи, где обустроивали погреба. Эти заготовки играли существенную роль в питании советских семей, особенно, в зимние время. Дача для простонародья, в отличие от дачи для элиты была не столько местом отдыха (хотя там и отдыхали), сколько местом для работы (тем более советские люди часто были горожанами в первом поколении, проведшими детство в деревне и скучавшими по сельскому труду).

Такие дачи стали появляться после войны. В конце 1940-х правительство начало выделять горожанам небольшие участки под огороды для того чтобы они элементарно могли выживать в условиях послевоенного голода. В 1950-х разрешили возводить на них немудреные деревянные строения, огороды стал именоваться садоводческими участками или собственно «дачами». Эти «дачи» выделялись предприятиями работникам и естественно не были собственностью «дачников». В советские времена административные органы то и дело пытались ограничивать дачное строительство (запрещали строить двухэтажные дома, дома больше определенной площади, заборы внутри садоводческих обществ), но постепенно жизнь брала свое, люди расширялись, преодолевая запреты, а государство соглашалось с этим.

Своего пика дачное движение достигло в эпоху перестройки и после нее. В стране практически не осталось семьи у которой было бы «дачи». В 1990-е годы, когда экономика погрузилась в глубокий кризис заботами младореформаторов, государство по сути сняло все ограничения и стало активно раздавать землю под дачные участки всем, кто этого желал. В 1998 году вышел даже федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» пункт 1 статьи 13 которого гласил: «Обеспечение граждан садовыми, огородными и дачными земельными участками является обязанностью органов местного самоуправления по месту жительства граждан». То есть государство обязывалось обеспечить желающих граждан садовыми

АКТУАЛЬН▲Я ИСТОРИЯ

участками. Гражданам достаточно было для этого подать заявление в органы местного самоуправления и там их ставили на очередь. Существовал список льготников, которые получили землю для садоводческой деятельности без очереди.

Более того, государство озаботилось даже вопросом: как пенсионеры будут добираться до своих загородных участков и предоставляло им льготы для проезда в пригородных автобусах и электричках. И это ельцинское либеральное государство, которое разрушило промышленную базу России и колхозно-совхозную систему, раздало самые «лакомые куски» госсобственности «олигархам» и потакало многомесячным невыплатам зарплат рабочим.

Однако ничего удивительного в этом нет: государству либерал-реформаторов был выгоден «дачный бум». «Дачи» позволяли простым людям, уволенным с работы или не получающим зарплату (которую директора их предприятий «прокручивали» в банках) выживать и значит... и дальше терпеть такое положение дел. Кроме того, благодаря наличию дач, «сердитое простонародье» все выходные и праздники, а также отпуск, да и вообще любой выдавшийся свободный денек проводило на своих дачах, вдали от города, а значит, физически не могло участвовать в протестах оппозиционных партий. Какие там демонстрации и митинги – даже в день выборов потенциальные сторонники КПрФ уезжали на свои огороды и горбатились там целыми днями, тем самым повышая шансы проправительственных партий.

Наконец, в 2006 году был выпущен закон № 93-ФЗ, получивший в народе название «Дачная амнистия». По этому закону граждане, получившие от государства землю под дачные участки и выстроившие там «дачи», могли приватизировать их в упрощенном порядке. Тем самым постсоветское государство сделало по отношению к дачам то же, что оно сделало по отношению к квартирам в 1991 году – оно бесплатно передало их владельцам – в обмен на политическую лояльность. Подтекст молчаливой сделки был ясен всем, хотя никто не хотел прямо об этом говорить. Опыт показал, что сделка удалась. Граждане, получившие от власти «демократов» свои дачи, ни в коем случае не желали уже возвращения старого порядка, при котором ни земля, ни дачные постройки на ней им не принадлежали, а все находилось в собственности государства, распорядилось же всем предприятие, на котором работал гражданин и которое выделило ему «дачу»...

В левопатриотических изданиях принято постоянно обличать олигархов, которым постсоветская власть раздала государственную собственность, созданную трудом многих поколений советских граждан, практически за бесценок, с применением мошеннических схем. Это истинная правда: приватизация была таковой лишь на бумаге (не говоря уже о том, что сама необходимость приватизировать такую значительную часть индустрии СССР была сомнительной). Предприятия, буровые, трубопроводы – все, что могло приносить большую прибыль – не продавались в частные руки по рыночной цене как это делается при приватизации на Западе (пополняя бюджет государства и позволяя ему тем самым выполнять свои социальные обязательства). Все это просто передавалось бизнесменам, приближенным к кругам элиты (выходцам из бывшей партийной, комсомольской, советской и хозяйственной номенклатуры) – иногда совершенно даром (скажем, такой бизнесмен получал от государственного банка кредит, покупал предприятие по цене, заниженной в сотни раз, а затем не возвращал кредит, который ему на совершенно законных основаниях списывали). Но даже если речь шла о продаже, то цена была смехотворно низкой: по данным социологов только на первом этапе чубайсовской приватизации 500 крупнейших бывших советских предприятий стоимостью не менее 200 млрд. долл. (по ценам 1993 года) были проданы приближенным «олигархам» всего лишь ... за 7,2 млрд. долл., то есть более чем в 20 раз ниже рыночной стоимости. Так хodorковские и березовские стали «хозяевами жизни»

Но это только половина правды. Другая половина старательно замалчивается, потому что власти об этом

говорить невыгодно, а широким массам – стыдно. Постсоветское российское государство, если называть вещи своими именами, вовлекло в это разграбление государственной собственности практически все население бывшей РСФСР. Конечно, олигархи получили львиную долю добычи, но и простым гражданам как часть с барского стола швырнули их малую долю – квартиры, машины, дачи. А между прочим, квартиры и дачи также как и нефтевышки и алюминиевые заводы тоже принадлежали раньше государству (и та же приватизация квартир в массовом порядке также была необоснованна, не секрет, что она породила более миллиона бездомных и огромное количество жертв «черных риэлторов» – из числа социально незащищенных граждан – пенсионеров, больных, алкоголиков и т.д.)...

Я уже не говорю о возможности получать суррогат высшего образования за деньги всем – даже тем, кто раньше мог рассчитывать лишь на ПТУ, о возможности безбоязненно «косить от армии» и не заниматься общественно-полезным трудом без страха быть наказанным за это; о возможности официально заниматься спекуляцией и фарцовкой и не подвергаться за это преследованию со стороны государства. Все это бывшие советские люди получили за молчаливое согласие на развал державы, на разграбление ее активов, на унижение ее перед ее геополитическими врагами...

Естественно, их обманули. «Приватизированные» квартиры, полученные еще в советские времена, скоро исчерпают свой ресурс, а покупать новое жилье у большинства населения нет средств. Содержание дач тоже требует денег, которых от кризиса к кризису становится все меньше. Мечта советского человека – собственный автомобиль ржавеет под окнами, потому что нет денег на гараж. Все случилось как в русских сказках, где молодец, заключивший сделку с чертом, приносит домой полученные от лукавого драгоценные камни, вываливает их из мешка посреди избы, а они превратились в угли... Зато власть имущие сумели, как минимум, на 30 лет отсрочить социальный взрыв, который способен смести их вместе и с их богатствами.

Простые советские люди на мыльный пузырь потребительской мечты променяли относительно высокое материальное благосостояние и социальную стабильность социалистических времен. И виноваты в этом не только либералы и демократы, не только западные советологические центры, но и они сами, многие из нас, кто жил в те годы. Это надо четко осознать и запомнить. Не для того, чтобы заниматься самообразованием и проклинать себя за сделанные ошибки. А для того, чтобы впредь не попасться на такой же крючок. ▲

Не приходится сомневаться в том, что большинство населения России, а именно простые люди, обыватели

в нейтральном смысле этого слова, больше потеряли, чем обрели в результате либеральных реформ, проведенных в 1990-е года командой младореформаторов во главе с Гайдаром...